

Валентина Голубовская

Время, назад! или Волшебный рог памяти

О разбитой жизни Валентин Катаев написал на полвека раньше, чем книгу с таким названием, в рассказе «Отец», который он начал писать вскоре после смерти Петра Васильевича Катаева в 1921 году. Тогда, в самом начале 20-х, горькое ощущение рухнувшего мира, привычного уклада после всех перипетий гражданской войны, осколки прежней, разбитой жизни превращались в жестокие и мучительные напоминания о недавнем прошлом и вызывали отвлечение к настоящему.

«Громадные пласты прошлого откалывались и грохотали, сползая вниз по ступеням и заряжая лестницу громом четырехэтажного эха. Ящики пустели, как жизнь. Голоса, уже ничем не спируемые, летали по комнате, воя и оглушая. Шаги гремели, как брошенные штанги, пистолетными выстрелами. Ключья писем и карточек устилали пустой пол. На полу лежали иконы. Все было кончено. Петр Иванович спрятал деньги в карман, повесил на дверь замок, отдал ключ в домком и через неделю уехал на север».

«Отец» – трагический пролог к солнечной книге, которую он напишет полвека спустя, книге, полной любви, светлого юмора, прозрачной печали, к одной из лучших в писательском наследии блестящего мастера слова, каким и был Валентин Катаев.

В этой книге не только много героев, главных, любимых, но и мелькнувших на миг, но так ярко написанных несколькими мазками, что остаются они в памяти надолго. Из Волшебного рога памяти возникают мельчайшие подробности Разбитой жизни, бесконечное, удивительное множество драгоценных свидетельств, красноречивых описаний, беглых упоминаний, но от этого не менее интересных, о вещах, не просто окружавших автора

в детстве, а ставших наряду с реальными людьми не менее яркими и запоминающимися героями этой повести. И не только вещи, но игры и развлечения, праздники, детские проказы, краски, цвета, оттенки, запахи, звуки... И у всего этого есть свое имя, свое название. Что-то из этих названий сохранилось до наших дней, что-то уже нуждается в уточнении, в комментарии.

Однажды на сайте fantlab.ru (Лаборатория фантастики) я обнаружила лингвистический анализ текста «Разбитой жизни...». Из множества статистических данных мне особенно интересными показались эти:

Слов в произведении – 144569, использовано уникальных слов – 16066. Как я поняла, имена собственные не учитывались.

Действительно, у В. Катаева множество слов можно назвать уникальными. Среди наиболее меня поразивших оказалось слово «десть». «Так как эти тетради были сделаны из бумаги, а бумага – как мне уже было известно из разговоров взрослых – мерилась на дести, то кипа этих тетрадок представлялась мне дестью». Я посмотрела в поисковике, что значит это слово, и частоту его употребления.

Оказалось, что десть – это «единица счета писчей бумаги. Русская десть (равная 24 листам, употреблявшаяся до введения метрической дести). Метрическая десть (равная 50 листам), а частота употребления слова «десть» составляет 13 раз на 300 млн слов! Лингвистический антиквариат! И еще итог моего любопытства: «Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот» (Н.В. Гоголь. «Шинель»).

Одно только описание на нескольких страницах содержимого «папиного комода» читается с затаенным восхищением этим волшебным миром вещей, почти исчезнувших из современной жизни. Но нужно отдать и в этом случае должное писателю, понимавшему, в какую эпоху он пишет, и что среди его читателей уже не много сверстников. Он с такой любовью и нежностью описывает подробно почти каждую вещь в ящиках комода (хоть

по описанию катаевский комод скорее похож на секретер), что они в комментариях не нуждаются.

И все-таки среди «лингвистического антиквариата» «Разбитой жизни...» кроме «дести» есть слова, которые заслуживают, на мой взгляд, не меньшего внимания.

Вот некоторые из этих слов и, главное, понятий, которые ими были обозначены, мне бы и хотелось упомянуть.

...Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели...

«...разрешил поместить Лимончика в тесном купе второго класса, заваленном пледами и шляпными коробками...»

И через несколько строк уже упоминается вагон-микст:

«...солнечный свет с непрерывной медлительностью перемещался по качающемуся на рессорах вагону-микст...»

Здесь нет никакого противоречия.

С быстрым развитием железных дорог в России появилась острая необходимость в экономном и прибыльном использовании вагонов. Вагоны первого класса обычно из-за слишком дорогих билетов заполнялись не полностью. В начале 60-х годов XIX века на железных дорогах появились так называемые вагоны-микст, смешанные вагоны, преимущественно первого и второго классов, несколько позже в вагоне-микст были места второго и третьего классов. Причем входы в соответствующий класс такого вагона были отдельными. И внутри места каждого класса были отделены друг от друга тесным тамбуром. С конца 70-х годов XIX века пассажирские вагоны первого класса окрашивались в синий цвет, второго класса – в желтый, третьего класса – в темно-зеленый. Это был международный стандарт. Его требования переносились и на вагоны-микст. Половина вагона с местами 1-го класса окрашивалась в синий цвет, и в темно-желтый – вторая половина. Вагон-микст 2-го и 3-го классов имел соответственно темно-желтый и зеленый цвет. Зеленый цвет третьего класса и стал доминирующим на вагонах после 1917 года.

И еще одна деталь. В картине Леонида Пастернака «К родным» (1891) в тесном купе второго класса с «корзинами и картонками»

молодая дама в черном траурном платье и шляпе и кормилица с грудным ребенком на руках. Над мягким диваном на стенке купе – бронзовая табличка «Для некурящих»...

Кресла и стулья

«...еле держался на неудобном высоком стуле с резной спинкой, украшенной двумя точеными шишечками. Передо мной простирался большой обеденный стол мореного дуба».

Такие стулья в эпоху эклектизма, или историзма, во второй половине XIX века, отдаленно напоминали формы мебели барокко – высокими резными спинками, увенчанными сложными фронтонами, похожими на фронтоны доходных домов этой эпохи. Иногда они украшались еще и витиеватыми колонками по сторонам спинки и такими же проножками, соединявшими для устойчивости ножки стульев и массивных столов. И были они символом незыблемости и солидности в почтенных семействах.

Там же, в екатеринославском доме, впервые упоминается качалка: «Боялся... его качалки, в которой он с трудом покачивался...»

Венское, или тонетовское кресло-качалка, и венский стул – характерная примета времени. И у В. Катаева их можно встретить в разных произведениях. Но в «Разбитой жизни...» кресло-качалка, а особенно венский стул, присутствуют в самых разных интерьерах и ситуациях.

В одесских съемных квартирах, куда были вынуждены время от времени переезжать Катаевы, пока не приобрели собственное жилье на Пироговской, венские стулья, недорогие, без труда перевозимые с квартиры на квартиру, были незаменимы.

«...возле кровати на венском стуле стакан малины...»

«...я же про себя подумал, что не худо было бы выиграть также эту декадентскую зеленую мебель и заменить ею наш скучный буфет рыночной работы и венские потертые стулья с плетеными сиденьями, кое-где уже дырявыми».

«...покрывало вместе с венским стулом полетело прочь» – японец в цирке.

И у модистки Фани Марковны с Малой Арнаутской «...гнутой венский стул черного еврейского цвета...», то есть покрытый черным лаком.

Венский стул появился на свет чуть более 150 лет тому назад в аристократической столице Австро-Венгерской империи и оказался одним из самых демократических изобретений XIX века. Он пережил несколько художественных направлений – и австрийский бидермейер, и венский сецессион, в который он своими гнутыми линиями достаточно легко вписался, и императора Франца-Иосифа, и саму Австро-Венгерскую империю, и все катастрофы XX века.

«Отцом» венского стула, а также кресел, качалок, туалетных столиков, канапе, теннисных ракеток и многого другого был Михаэль Тонет. Он родился в 1796 году в маленьком прусском городке Боппарде в лесистой долине Рейна, там обучился искусству краснодеревщика. И уже в 1819 году Михаэль Тонет открыл в Боппарде свою мебельную мастерскую. Он представляет свои изделия на различных выставках, но самым удачным, как оказалось, было участие в выставке в Кобленце, где судьба свела его с могущественным князем Меттернихом (уроженцем этого города), канцлером Австрии. Именно Меттерних пригласил Тонета в Вену, где с 1841 года начался его путь к головокружительной славе.

Уже через 12 лет свою мастерскую Михаэль перевел на пятерых сыновей и назвал фирму «Братья Тонет» («Gebrüder Thonet»), она существует до сих пор...

Гнутое дерево применялось испокон веков – бочки, лыжи, сани, дуга с колокольчиком в русских тройках... Но именно Михаэль Тонет изобрел способ с помощью пара и горячей воды превращать древесину в пластичный материал для производства различных видов мебели. В 1859 году был создан стул, модель которого имела номер 14. Именно эта модель и принесла Тонету и его сыновьям мировую славу. Это стул, спинка которого сделана из двух концентрично гнутых деревянных дуг, состоит из шести деталей и собирается с помощью винтиков.

Можно с уверенностью сказать, что венский стул завоевал мир, стал одним из первых предметов массового потребления из-за простоты производства и, что очень существенно, продуманности, удобства перевозок. В ящик объемом в один кубический

метр помещалось в разобранном виде 36 стульев, а собрать их с помощью шурупов не составляло большого труда.

Прочность венского стула, как сообщает современный альбом-каталог «Принцип Тонета», была однажды продемонстрирована эффектным рекламным трюком: он был сброшен с Эйфелевой башни и не разбился!

Рестораны, кафе, конторы и, конечно же, доходные дома с квартирами, сдававшимися внаем, стали главными потребителями этого, на первый взгляд, незамысловатого предмета мебели.

Ле Корбюзье признавал: «До сих пор не создано ничего столь элегантно по форме, столь качественного по разработке и столь целесообразного по конструкции».

Венскому стулу отдали должное мастера Баухауза, освоив принцип гнутой древесины. Только благородный бук заменили стальной трубкой. В 1925 году в Баухаузе был создан клубный стул из стальной трубки, и назвали его в честь Кандинского «Василием».

Легкость и подвижность венских стульев была сродни венской оперетте и венскому вальсу!

После 1917 года новые венские стулья перестали приходить в Россию, а старые постепенно стали напоминать вятскую бабушку-попадью, жившую за ширмой. Колченогий тонетовский стул можно было уже чаще увидеть «в изгнании» – на балконе, в кухне, в кладовке, на лестничной площадке... Но большинство из сохранившихся еще верой и правдой служили своим заботливым хозяевам.

«...качалка с ее желтым плетеным сиденьем и такой же спинкой, с ее выгнутыми ручками, с ее полозьями, на которых она так легко покачивалась, была в одно и то же время и качелями, и частью какой-то упругой деревянной машины, и лодкой, и даже беседкой, если ее перевернуть вверх полозьями».

И на венском стуле – сидя задом наперед, держась за дуги его спинки, можно было думать, что управляешь авто или мчишься в русской тройке!

Кто хоть однажды не раскачивался в венской качалке, зачастую уже с заплатками на спинке из плетеной соломки, и редко кому из нас в детстве, сидящему на венском стуле, не говорили:

«Не вертись!»... Как же не вертеться на этом чуть вогнутом круглом сиденье!

«...сидел у себя в Полтаве... в вольтеровском кресле...»

В знаменитой скульптурной композиции Ж.-А. Гудона Вольтер сидит в кресле, совершенно не похожем на то, которое в России со времен Екатерины Второй стали называть вольтеровским. Не случайно такой тип мягкого кресла с высокой спинкой и изогнутыми боковинами, плавно переходящими в глухие цельные подлокотники, в европейских странах называли «дедушкиными». Действительно, в таком уютном, словно обнимающем тебя с обеих сторон кресле пожилым людям можно было подремать, не боясь свалиться на пол.

«Тут же мы заметили целый столовый гарнитур из светло-зеленого крашеного дерева с декадентским, довольно уродливым буфетом и чрезмерно высокими и даже на вид неудобными стульями...»

В эпоху модерна широко распространилось протравливание, тонировка древесины, чаще естественными, растительного происхождения, красителями. Скорее всего, этот гарнитур был оливкового цвета. Модерн предпочитал чуть приглушенные, «вялые» оттенки.

«...шелковые драпри...»

Драпри (фр.- draperie) занавески со складками, расположенные в дверях или служившие перегородками вместо ширм. Обычно подвешивались на карнизах с кольцами, часто делались из бархата или тонкого сукна в цвет обоев либо по контрасту с ними. По бокам подхватывались лентами. Уже в советские времена при жилищной тесноте, особенно в коммунальных квартирах, драпри были незаменимы.

И веют древними поверьями ее упругие шелка...

По страницам книги «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» проносится шелест, а точнее, шуршание женских платьев и юбок. Казалось бы, не самая важная, но безукоризненно точная примета эпохи, одна из выразительных ее подробностей.

Это шуршание слышал Александр Блок:

«Вздыхая древними поверьями, шелками черными шумна...»

«Зашептались тревожно шелка...».

«Неужели и жизнь отшумела, отшумела, как платье твое?»

О том же через несколько десятилетий вспомнит Анна Ахматова: «Шуршанье юбок, клетчатые пледы, ореховые рамы у зеркал...».

Запомнилось это шуршание и Валентину Катаеву.

В Екатеринославе у бабушки-генеральши: «...я прижимался к ее шелковому платью, как бы погружаясь в его шорох».

«...Нарядно одетая тетя... грациозно подбегала, шумя шелковой юбкой, к прохожим...»

«...тревожный шорох маминой юбки».

«...Я тебе это категорически запрещаю. Ты слышишь? Категорически, – и она удалилась, зашумев юбкой».

«...Ксенькина мама... одевалась шикарно, шумела шелковым платьем, скрипела корсетом...»

«...раздувались и трещали накрахмаленные юбки Амалии...»

Это «шуршанье юбок» получило название «фру-фру» от французского звукоподражательного термина *frou-frou*. Вероятно, эти звуки – фру-фру, похожие на лошадиное фыркание, дали имя лошади Льва Толстого, а потом он «подарил» это имя Фру-Фру – лошади Вронского. Характерный шелест или шуршанье достигались с помощью не только дорогих шелков платья, но и нижних юбок, и были признаком роскоши и элегантности. Чаще всего носили две юбки – одну, плотно прилегающую к телу, чаще белого цвета, украшенную кружевами, прошвами, вышивкой белой гладью, обшитую внизу, почти до пола, воланами. Поверх нее надевалась вторая юбка, она могла быть накрахмаленной, как у Амалии, бонны Вали Катаева, а чаще шилась из недорогой шелковой ткани под цвет основной, верхней, юбки или платья, как на примерке у Фани Марковны «нижней юбки из шуршащего сиреневого канауса». Канаус – из таких недорогих шелковых тканей. Катаев упоминает еще и красную канаусовую салфетку, которой священник вытирал губы причащавшемуся гимназисту.

В книге Катаева, кажется, представлены все слои населения Одессы начала XX века. И у всех – свой костюм, своя одежда.

«...мама в своем сером саке с большими перламутровыми пуговицами...»

Сак – несколько мешковатое (отсюда и название) пальто прямого кроя, могло застегиваться на пуговицы, заходить одной полой на другую, быть однобортным и двубортным, носиться с поясом. И на протяжении столетия не раз возвращалось в повседневную одежду.

Тальма и ротонда

«Ваше платье изысканно, ваша тальма лазорева»
(Игорь Северянин).

«Амалия брала папин завтрак в руки, уже одетая в тальму и шляпку».

Часто путали тальму и ротонду, несмотря на то, что различия все-таки были. «Зинаида Эммануиловна в клетчатой шотландской тальме». И через две страницы еще одно появление Зинаиды Эммануиловны «в ее клетчатой потертой ротонде с треугольным капюшоном».

Ротонда вошла в моду в 70-е годы XIX века и продержалась до начала XX века. Это была длинная безрукавная накидка без застежек, с прорезями для рук, с мягкими вертикальными складками, что и вызывало сходство со столь популярными в «дворянских гнездах» садовыми и парковыми беседками с их колоннами. Известны и летние ротонды со стоячими воротничками, и утепленные, с меховой опушкой вокруг шеи.

Тальма же обязана своим названием знаменитому французскому актеру Франсуа-Жозефу Тальма. После смерти Тальма в 1826 году в мужском костюме появилась шерстяная, иногда сшитая из сукна накидка без рукавов, которую называли тальма. Это слово в России склонялось.

Как и ротонда, в 70-е годы XIX века тальма появилась уже только в женском гардеробе и продержалась до начала XX века. Были и летние тальмы, даже кружевные, были меховые – зимние. По силуэту тальма скорее напоминала колокол, расширяясь

и ниспадая с плеч ниже талии. Как и ротонда, не имела рукавов, летняя у шеи завязывалась лентами.

У Марины Цветаевой есть строки в известном стихотворении о Наталье Гончаровой:

...В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теревить в руках,
И прослыть в веках – Длиннобровой,
Ни к кому не суровой – Гончаровой...

Наталья Николаевна никак не могла катать в тальме, бывшей в ее время мужской одеждой, тем более бобровой. Бобровый мех был мехом «мужским». Об этом дальше.

В пушкинские же времена светские дамы и барышни предпочитали мех соболиный. «Когда под соболем, согрета и свежа, она вам руку жмет, пылая и дрожа!». И его друг Петр Вяземский о том же:

Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболь на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы.

Эту же ошибку с тальмой повторил Николай Агнивцев, популярный поэт начала XX века, в ироническом стихотворении «Князь Павел» о юных шалостях будущего императора Павла Первого:

Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года.
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь – никогда!

И, прикрывши ножки тальмой,
Затряслась статс-дама: – «Ой,
Сколь вы прытки, государь мой,
И – сколь дерзостны со мной!»...

Но великий французский актер Тальма родился через два года после смерти русской императрицы...

«...чемпионы с полинявшими усами, в егеровских фуфайках с короткими рукавами...»

Егеровская фуфайка – тонкое шерстяное белье, по типу современной майки или футболки, с длинными рукавами, названное по имени Отто Егера, немецкого теоретика гимнастики.

«...обер-кондуктор в круглой барашковой шапочке и широких шароварах, напущенных на низкие сапожки, как у императора Александра III...» – заставляет вспомнить знаменитый конный памятник этому императору работы Паоло Трубецкого.

«...Курсистки... в маленьких суконных шапочках, бурнусах и козловых башмаках...»

Бурнус, верхняя одежда, во второй половине XIX – начале XX веков был короток, значительно короче платья, он заканчивался чуть ниже талии, обычно имел ватную подкладку и рукава. Носили его обычно женщины и девушки скромного достатка.

Козловые башмаки (из козьей кожи) – женская обувь, которую тоже носили простолюдинки или девушки из семей разночинцев, в частности курсистки.

Мельчайшие детали одежды не только близких людей, но и почти случайных, как квартирьершечки-молодожены, – она «белорозовая, с ямочками на щеках и на ручках, с волосами, уложенными в красивую прическу, во всем нарядном, с бантиками, прошивочками, кружевцами, в ажурных чулках и башмачках на французских каблуках», словно сошедшая со слащавой открытки начала XX века.

Или совсем другой тип женщин – жилички, вовремя улизнувшие от околоточного.

«...пенсне в черной оправе. Она была в батистовой кофточке, подпоясанной широким ременным поясом, и в длинной потертой суконной юбке, обшитой по подолу так называемой «лентой-щеточкой», из-под которой выглядывали поношенные ботинки со скошенными каблуками...»

Здесь звуки «фру-фру» не были слышны. Весь внешний облик жиличек отсылает к социал-демократкам, возможно, к эсеркам... Кофточка или блузка с напуском, с мелкими вертикальными

складочками-защипами на груди, с длинными рукавами на манжетах и длинная юбка, облегающая фигуру от талии и к низу расширяющаяся, создавали с помощью корсета так называемый S-образный силуэт начала XX века – выдающуюся вперед грудь и подчеркнутый изгиб спины.

И совсем не похожи они на епархиалок, чаще всего дочерей небогатых сельских священников, одетых в «плохо скроенную и грубо шитую форму из голубого шевиота».

Шевиот – мягкая плотная слегка ворсистая ткань из шерсти особой породы шотландских овец. Мужские дорогие костюмы из шевиота были признаком благосостояния, благополучия. Но был шевиот «для бедных» из смешанной пряжи, чаще всего с растительным волокном, вот из него и были формы епархиалок.

Шевиот, как и другая ткань – бостон, сохранялись в довоенные и послевоенные годы, сохраняя все тот же статус благосостояния.

...И все это отрада – встают, поют заводы,
и дед в большой артели народу тапки шьет,
А ну, еще полгода, ну, крайний срок – два года –
и все у нас наденут бостон и шевиот.
Но в темном коридоре, в пустынном дортуаре
сжимает Николаев московский револьвер,
и Киров на подходе, и ГПУ в угаре,
и пишет Немезида графу «СССР»...

Евгений Рейн

Пепиньерки – выпускницы епархиального училища (вообще закрытых учебных заведений для девочек), которых оставляли в учебном заведении уже в качестве наставниц.

У И.А. Гончарова есть ранний очерк «Пепиньерка». Никто до него и после не написал о них так остроумно, весело и точно. «Нельзя определить с точностью лет пепиньерки. Можно так, неопределенно, сказать, что пепиньеркой ни в сорок, ни в двенадцать лет быть нельзя, хоть будь себе раздевица. Обыкновенно она бывает от шестнадцати до двадцати лет. Если она зайдет далеко за последнюю границу, то ее делают дамой, то есть или классной дамой, или просто дамой, выдавая замуж...»

Среди различных тканей В. Катаев упоминает и коломянку: «...не прилечь где-нибудь на полянке, на травке, в зарослях молодой дикой петрушки, пачкавшей коломянковые летние штаны на коленях своим остро пахнущим зеленым соком...»

Коломянка – вид дорогой льняной ткани. Из этой плотной гладкой ткани, в частности, шили повседневную летнюю форму для морских офицеров. Как и в случае с шевиотом, коломянка была и более дешевая, нередко с добавлением пеньки. Вот в летних штанах, именно из дешевой коломянки, можно было и на травке поваляться...

Пикейное платьице. Пике – в прежние времена обычно белая ткань в мелкий рубчик, из натурального хлопка. Прежде всего, ее прославили «пикейные жилеты». Если маленьких девочек одевали чаще всего в батистовые с кружевами платьица, то мальчики, как маленький Валя Катаев, носили платьица лет до трех из более плотной ткани, типа пике, часто без всяких кружев.

«...ноги в длинных фильдекосовых чулках на резиновых подвязках, пристегнутых к лифчику». Фильдекосовые чулки из плотной хлопчатобумажной нити – «шотландской» – *fil d'Ecosse*. Лифчик – безрукавка из байки, фланели, плотного льна, похожая на жилетик, обычно на белых костяных пуговицах, деталь нижнего белья, которое носили и девочки, и мальчики в холодную пору с пристегнутыми к чулкам резинками-пажиками.

Под шлемом с траурными перьями...

Даму начала прошлого века невозможно представить без шляпы, перчаток, шелкового, бархатного, муарового мешочка: «мама... плакала, вынимая из муарового мешочка носовой платок и прикладывая его к покрасневшим глазам...».

Ридикюль, так чаще назывался украшенный бисером, стекларусом или вышивкой шелковый, муаровый, атласный, бархатный мешочек, в котором помещался носовой платочек, крошечный кошелек, иногда средство от мигрени или другое лекарство, словом, что-то из дамских необходимых вещиц. Начиная с XVIII века,

со времен мадам Помпадур, ридикюль входил в моду и становился необходимостью в годы, когда в женском костюме исчезали карманы.

Все аксессуары дамского туалета очень точно и сочно описаны Валентином Катаевым и, пожалуй, прежде всего шляпы, украшенные по моде начала XX века перьями. А уж выбор шляпы и перьев часто зависел от вкуса.

«маме приходилось то и дело наклонять голову, чтобы орлиное перо на ее шляпе не сломалось, наткнувшись на какое-нибудь препятствие...».

«мама, в шляпе с орлиным пером, в темной вуали».

Лишившись матери в пятилетнем возрасте, Катаев запомнил на всю жизнь ее облик, особенно часто – в шляпе с орлиным пером, Судя по описаниям, Евгения Ивановна Катаева (Бачей) предпочитала небольшие шляпы с круглой тульей, небольшими полями, украшенные орлиным пером (перьями), вертикально укрепленными с помощью броши. Такие украшения назывались эгретами, или в обыденной речи – эгретками.

«...Ах, бог любви, загадочный поэт,
Вас наградил совсем особой меткой,
И нет таких, как вы...» Она в ответ
Задумчиво кивала мне эгреткой.

Николай Гумилев

«кассирша – нарядная дама в громадной шляпе со страусовыми перьями»

«мадам Козлова... в большой парижской шляпе».

Эти «громадные» шляпы из-за их широких полей не случайно называли «вагонными колесами» (пришло из немецкого – *Wagenrad*). Можно вспомнить знаменитый портрет княгини Орловой в такой шляпе. Дочери Валентина Серова вспоминали, как наблюдали, свесившись из окна, приезд княгини на сеанс к отцу. Она выходила из экипажа, но сверху была видна только огромная шляпа. Княгиня Орлова была знаменитой светской львицей. Чаще всего «перья страуса склоненные» украшали именно такие шляпы.

«Девочка-гимназистка лукаво посмотрела на меня из-под полей своей форменной касторовой шляпы с салатно-зеленым бантом...»

«...Свою форменную черную касторовую шляпу с салатным бантом и круглым гербом она сняла...»

Катаев в своем полотне под названием «Разбитая жизнь...» делает один дополнительный мазок – бант на черной шляпе не просто зеленый, а салатно-зеленый. И быстроногие девочки на улицах Отрады становятся похожими на легкокрылых стрекоз, которых так много было на отрадненских склонах.

Касторовая шляпа – скромная родственница и онегинского бобрового воротника, того, что «морозной пылью серебрится», и бобровой шубы Шаляпина («Портрет Федора Шаляпина в шубе» работы Б. Кустодиева).

Слово «касторовый» вызывает в память мерзкую касторку, которую отказывался пить Буратино в «Золотом ключике». Касторовое масло для медицинских целей изготавливалось из бобрового жира. В переводе с латыни кастор – бобр (Castor).

Но кастор в XIX веке – это еще и тончайшей выработки сукно самых разных цветов. Касторовая шляпа изготавливалась из шерсти с примесью бобрового пуха, с ворсом только на изнаночной стороне, непременно с полями. Мех бобра с высоким ворсом шел на мужские шубы, воротники, шапки: «студент-белоподкладочник, подкативший к подъезду цирка на собственном рысаке, выскочил на ходу из лакированной пролетки и, придерживая на груди накиннутую на плечи николаевскую шинель с бобровым воротником...».

У Осипа Манделъштама:

С важностью глупой, насупившись, в митре бобровой
Я не стоял под египетским портиком банка...

Словом, «мужской» мех.

Но, как и в случае с шевиотом, с коломянкой, были и касторовые шляпы «для бедных» – не из бобрового, а из козьего пуха.

«...Извозчики в своих клеенчатых или касторовых шляпах с пружкой...»

«Мне выписывали детский журнал «Игрушечка»...

...«в одном из «толстых» журналов, кажется, это была «Нева», мы наткнулись на статью об Александре Толиверовой, и я теперь совсем иначе отношусь к этому скромному пособию о скоромном и постном столе. Александра Толиверова, оказалось, в шестидесятые годы девятнадцатого века жила в Италии, была ближайшей сподвижницей Гарибальди. Даже жила в его доме, под видом невесты проникла в тюрьму, где томился друг и адъютант Гарибальди, чтобы предупредить его о готовящемся побеге... Потом вернулась в Россию, издавала женские и детские журналы, запомнилось название одного из них – «Игрушечка». Кулинарная книга была ею написана в то время, на сломе веков, когда все больше женщин, не только «бестужевки», посвящали себя работе – просвещению, медицине, социальным движениям»... («Мама купила книгу». – В. Г.).

Мельчайшие детали детства – вещи, цвета и их оттенки, даже запахи хранит волшебная память писателя.

Бибабо

«Девочка-гимназистка лукаво посмотрела на меня из-под поля своей форменной касторовой шляпы с салатно-зеленым бантом, из-под своей русой челочки, затем, таинственно отвернувшись, порылась в своей клеенчатой книгоноске, что-то сделала и вдруг быстро обернулась, протянув ко мне руку, кисть которой превратилась в какое-то странное, забавное и очень милое существо с целлулоидной узколобой, щекастой головкой и глупыми большими глазами. Это существо, одетое в пестрый фланелевый балахончик, имело две фланелевые ручки, которые уморительно двигались, в то время как головка качалась, как у китайского болванчика, и, казалось, делала мне гримасы...

...Девочка посмотрела на меня лисьими глазками, прозрачными, как леденцы, и захохотала.

– Видел? – сказала она, заставляя пустую головку своей игрушки кланяться мне. – Последняя новость. Называется бибабо. Мне подарили на именины.

Затем бибабо сделал мне прощальный жест обеими фланелевыми ручками, а девочка произнесла скороговоркой:

– Жили-были три китайца: Як, Як-цидрак, Як-цидрак-цидрони; жили-были три китайки: Ципи, Ципи-дрипи, Ципи-дрипи-лям-помпони...»

Очень популярный в начале XX века поэт Николай Агнивцев в 1917 году вместе с режиссером К. Марджановым и актером Ф. Курихиным создал в Петрограде театр-кабаре «Би-ба-бо».

И еще одна игра, упомянутая Катаевым, – в бильбоке. У того же Николая Агнивцева есть стихотворение

Бильбоке

К дофину Франции в печали
Скользнув тайком из-за угла,
Однажды дама под вуалью
На аудиенцию пришла.
Перед пажом склонила взоры:
– Молю, дофина позови!
Скажи ему, я та, которой
Признался в вечной он любви!

– Что вас так всех к дофину тянет?
Прошу – присядьте в уголке!
Дофин устал! Дофин так занят!
Дофин играет в бильбоке!

К дофину Франции в покои,
Примчав коня во весь опор,
С окровавленной головою
Ворвался бледный мушкетер.
– Эй, паж! Беги скорей к дофину!
Приходит Франции конец!

О, горе нам! Кинжалом в спину
Убит король, его отец!

– Что вас так всех к дофину тянет?
Прошу – присядьте в уголке!
Дофин устал! Дофин так занят!
Дофин играет в бильбоке!..

Скетинг-ринг

«В один прекрасный день в нашем городе появились роликовые коньки – заграничная новинка, – о которых мы до сих пор не имели понятия.

Превосходная штука!»

Как все в «Разбитой жизни...», и глава о скетинг-ринге написана так ярко и выпукло, что и добавить нечего. И все же мне хочется привести небольшой текст, прочитанный в Фейсбуке, блестящего знатока Одессы, собирателя и хранителя ее памяти Олега Губаря:

«...Наткнулся в своем архиве на очень редкую открытку 1900-х. На ней – роликовый каток в нынешнем Русском театре. Едва ли кому известно, что эпоха этого средства передвижения началась у нас в далеком 1876 году. Счастливый случай: частный одесский чугунолитейный завод получил тогда колоссальный заказ от одной британской фирмы на изготовление роликовых коньков – разумеется, ради выгоды. Ситуация способствовала рекламе, и в городе стали возникать специальные временные катки. В начале прошлого столетия функционировало уже и два стационарных: «Роль-Палас» на Херсонской в «Гранд-Отеле» (где теперь общежитие Холодильного ин-та) и в Русском театре. Это были платные катки, на которых устраивались всякие шоу – шествия с китайскими фонариками, маскарады, танцы, игра в «летучую почту» (переродилась в детскую «игру в почту», в ходе которой каждый участник получал номерок, а почтальон разносил записки). В 1990-х роллеры изрядно расплодись, а теперь, похоже, мода пошла на спад».

Мелочи жизни

Одессу часто, наверное, не очень справедливо, сравнивали с Марселем. Но что действительно в Одессе напоминало о средиземноморском городе – это черепица, которую называли марсельской, даже если на ней стояли клейма не французских мастеров.

И марсельские одеяла. Махровые простыни и полотенца у нас в широком обиходе появились гораздо позже, а марсельские одеяла были спасением в летнюю жару. Из натурального хлопка, безукоризненно белые, с вытканым рельефным, чаще геометрическим узором, в жаркие летние ночи они давали прохладу, спасали от комаров. И были такого высокого качества, что дожили во многих одесских семьях до послевоенных лет. Когда на смену им пришли советские «марсельские» одеяла грубой выделки с цветочным рисунком тусклого синего цвета, то ни в какое сравнение с теми, белыми, даже обветшавшими, сохранившимися еще с дореволюционных лет, идти не могли.

«...потом мы терли друг другу спины распаренной мочалкой, так вкусно пахнущей хорошим аптекарским магазином Лэммэ, где она была папой куплена».

«Старинное «Одесское общество торговли аптекарскими товарами «Ю. Лемме и К^о» помещалось в собственном доме на улице Жуковского, имело в городе два розничных магазина, поставляло больницам и продавало отдельным покупателям аптекарские и химические товары, аптечную же и лабораторную посуду, минеральные воды, перевязочные материалы, хирургические инструменты, средства дезинфекции...» (Ростислав Александров. «Торг обильный». – Одесса: Оптимум, 2002).

Юлиус Христианович Лемме был не только владельцем аптекарских магазинов, гораздо большую известность принесла ему его страсть к коллекционированию произведений искусства. Больше всего его влекли античные резные камни – инталии и камеи, то влечение, которое Екатерина Великая называла «каменной болезнью».

Уже в конце XIX века Ю. Лемме, возможно, не всю, коллекцию глиптики продает. В Эрмитаже хранятся шедевры камнерезного искусства, и среди них – из коллекции Ю.Х. Лемме.

В книге «Античные камеи» (1971 г.) О.Я. Неверов писал, что собрание эрмитажной глиптики во многом пополнялось из частных коллекций «...герцога Луи-Филиппа Орлеанского (1787 г.), герцога Сен-Мориса, директора Дрезденской академии художеств Ж.-Б. Казановы (1792 г.)... одесского собирателя Ю.Х. Лемме...». А в книге, посвященной античным инталиям, О. Неверов поместил фотографию одной из старейших инталий, относящуюся к середине 2-го тысячелетия до н. э., – «Бык» из собрания Ю.Х. Лемме. Причем год поступления гемм из коллекции Ю.Х. Лемме в Эрмитаж – 1893-й.

Не могу сейчас указать источник, давно читала, что основную часть своего собрания гемм Ю.Х. Лемме продал Лувру, тогда же, в конце XIX века...

«...сам Карлик или мадам Карлик в виде премии с любезной улыбкой вручали мне какую-нибудь приятную вещицу: синее стальное перо с курчавой головой Пушкина посередине, резинку с белым слоном».

Еще в 60-х – начале 70-х у моей свекрови были пациенты с фамилией Карлик, может, потомки владельцев канцелярского магазина, где маленький Валя получал, как теперь бы сказали, бонус в виде пера «Пушкин» и резинку с белым слоном. Такие резинки пережили надолго стальные перья с головкой Пушкина. Как и знаменитые карандаши, эти резинки или ластики «со слоном» из натурального каучука были изделием фирмы «Koh-i-Noor», основанной еще в 1790 году. Многие поколения детей и взрослых оценили их по достоинству. В 1914 году вышла книга стихов для детей «Апельсинные корки» Марии Моравской, поэтессы Серебряного века с удивительной судьбой. Между прочим, как раз в начале XX века М. Моравская жила в Одессе.

В стихотворении «Жалоба слона» упоминается резинка «со слоном» от «Koh-i-Noor» :

...Но лишь хлебца ему дали
И спросили о печали,
Он Гришутке дал ответ:
– Не хочу, чтоб рисовали
На резинках мой портрет...

И стальное перо с головкой Пушкина, и ластик со слонем, и другие милые мелочи былой «разбитой» жизни вспоминает В. Катаев: севрская чашка, которой не случайно дорожила тетя, – не только подарок от бывшего жениха, но и достаточная редкость и ценность. «Хорошего севрского фарфора не существует – есть только великий», – такова была его оценка.

«...старушка Языкова, внучка известного поэта, друга Пушкина... так мирно и одиноко жила – во всем черном, как монашка, – среди своих гарднеровских и поповских чашек, портретов, дагерротипов, икон и лампадок».

Фарфор завода А. Попова был одним из самых известных в России первой половины XIX века. По художественному уровню его изделия не уступали и ценились наравне со знаменитым фарфором Гарднера, изделиями петербургского завода братьев Корниловых и Императорского фарфорового завода.

Любопытно, что, вспоминая чайные стаканы, севрскую, поповские и гарднеровские чашки, В. Катаев ни разу не упоминает изделия заводов М. Кузнецова, выпускавших продукцию «на поток». Красноречивое молчание.

И чувств изнеженных отрада...

Аткинсоновские духи.

«...где жил ее двоюродный брат, богатый помещик и земский деятель Евгений Петрович Ганько... голова с римским носом, на котором как-то особенно внушительно, сановно сидело золотое пенсне, весьма соответствующее его сенаторским бакенбардам и просторной пиджачной паре от лучшего лондонского портного, источавшей тонкий запах специальных мужских аткинсоновских духов...»

Джеймс Аткинсон открыл парфюмерный магазин в Лондоне в 1799 году. В 1826 году он стал личным парфюмером королевской семьи. Затем и другие коронованные семьи оценили достоинства этой парфюмерии. И не только они.

В волнах летаю котильона,
Вдыхая запах «poudre Simon»,
Влюбляясь в розы Аткинсона...

Андрей Белый. Поэма «Первое свидание».

«Слезы катились по тетиным напудренным щекам, и она все время вытирала нос комочком маленького кружевного платка, тонко пахнущего французскими духами «кёр дё Жаннет», и почему-то это еще больше усиливало мое горе при виде гибели «Петропавловска».

Панорама «Гибель Петропавловска» появилась вскоре после морской трагедии – в 1904 году.

Возможно, с годом Катаева подвела здесь память.

...С 1775 года существует французский парфюмерный дом Убиган, духами которого пользовались монархи Европы от Марии-Антуанетты и Наполеона до вдовствующей российской императрицы Марии Федоровны. Но и европейские художники и писатели любили эти мужские и дамские парфюмы. В 1880 году парфюмер Поль Парке стал совладельцем фирмы Убиган и создавал все новые духи с изысканными ароматами. Так в 1908 году появилась очередная новинка от Поля Парке – «Coeur de Jeanette» («Сердце Жаннетт»).

То, что Катаев вспоминает эти духи в связи с панорамой «Гибель «Петропавловска» (скорее всего, это был 1904 год), меня не смущает. В разговоре о детских воспоминаниях с литературоведом Борисом Галановым, также родившимся в Одессе, Катаев признавался: «Я могу побрехивать как беллетрист, но в подробностях всегда точен».

И то, что именно запах тетиных духов «кер де Жаннетт», и их название маленький Валя запомнил и вспомнил о них через 60 с лишним лет, сомнения не вызывает, и неважно, душилась ли Елизавета Ивановна ими в 1908 г. или даже несколько позже.

Духи появились позже, но их запах, флакончик с ними на тетином туалетном столике он, несомненно, помнил, хоть несколько смещенными во времени...

И в заключение этих беглых заметок еще два отрывка из «Разбитой жизни...» – о Елизавете Ивановне Бачей:

«...Ей не было и тридцати, когда она приехала к нам заменить покойную маму. Тогда я еще не понимал, что она совершила подвиг, в цвете лет отказавшись от личной жизни, от свободы, независимости ради того, чтобы воспитать нас – меня и крошечного Женьку, детей ее любимой старшей сестры, которой она однажды дала слово в случае ее смерти заменить нам мать».

«...Тетя хорошо одевалась, душилась духами, носила модные шляпы, вызывавшие у папы иронические улыбки. Даже в епархиальное училище на уроки тетя надевала синее шелковое платье с кружевами на шее и на рукавах. В противоположность покойной маме, всегда гладко причесывавшей свои черные, как воронье крыло, волосы, тетя – светлая шатенка, почти блондинка – устраивала себе модные прически с валиком впереди а-ля Вяльцева, знаменитая исполнительница цыганских романсов.

Тетя часто садилась на вертящуюся табуретку с плетеным сиденьем, открывала крышку пианино и с блеском, со щегольством начинала играть один за другим вальсы Шопена, причем ее тонкие пальцы так и летали туда и назад вдоль пожелтевших клавишей, сверкая кольцами с маленькими, но настоящими разноцветными драгоценными камешками».

«...кажется, она даже втайне от нас курила, так как я однажды обнаружил в ее комнате тоненькую дамскую папироску и легкий запах табачного дыма...»

Если в детстве любимыми героями в «Белеет парус одинокий» были Петя и Гаврик, то в иные годы, в другом возрасте самой любимой книгой Валентина Катаева стала «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», а в ней любимой героиней – Елизавета Ивановна Бачей, тетя Лиля. Тетя.

